

И.А. ХАЛИЙ

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ ДО КОНЦА 1920-Х ГОДОВ: РАЗВИТИЕ В ЭПОХУ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Как и любое социальное явление, общественные движения имеют свою предысторию. Самодеятельная социальная активность граждан начиналась в нашей стране тогда, когда происходили те или иные трансформационные процессы. Сегодня можно выделить четыре исторических этапа развития общественных движений и их организаций в России: (1) период, последовавший за освобождением дворянства (Манифест о вольности дворянства, 1762 г.) (2) пореформенный период (с 1861 г.); (3) предреволюционный и революционный периоды; (4) первые годы советской власти.

Рассмотрим подробно основные, с нашей точки зрения, общественные организации¹, деятельность и история развития которых позволяют выявить общие характеристики указанных исторических этапов. Ныне это представляет интерес — теоретический и практический — поскольку анализу подвергается первый в нашей стране опыт развития структур гражданского общества. Этот анализ продемонстрирует основные проблемы и итоги (а также их причины) процесса формирования и развития общественных движений, сравнение которых с современной ситуацией поможет сделать определенные выводы в ее отношении.

Вольное экономическое общество: начало начал

Самой первой общественной организацией стало Вольное экономическое общество (ВЭО), возникшее 31 октября 1765 г. и существующее по сию пору; его пример дает хорошую возможность проследить, какие преобразования происходили с подобными объединениями в интересующей нас исторической ретроспективе. Инициатором создания общества выступили граф Р.И. Воронцов, князь Г.Г. Орлов, М.В. Ломоносов и другие известные тогда люди. Императрица одобрила эту инициативу, больше того, она предложила и утвердила три главных принципа деятельности ВЭО. Общество должно было:

Халий Ирина Альбертовна — кандидат социологических наук, ученый секретарь Института социологии РАН. Адрес: 117218 Москва, ул. Кржижановского, д. 24/32, строение 5. Телефон: (495) 128-85-19. Электронная почта: sekretar@isras.ru

¹ Проанализировать деятельность общественных организаций дореволюционной России во всем их многообразии и даже перечислить направления их деятельности не представляется возможным в данной работе.

- 1) приносить пользу; его девизом императрица сделала слово «полезное», а символом — «пчел, мед в улей приносящих»;
- 2) помогать государству, быть «императорским»;
- 3) представлять независимую, объективную точку зрения, оказывать услуги государству, в том числе и в виде критики.

Отметим инициативу создания общества «сверху» и то, что основным ориентиром его деятельности должна была стать поддержка и усиление государства, впрочем, при достаточно высоком и «прово-зглашенном» уровне свободы.

Понятно, что Вольное экономическое общество могло состояться только при наличии самостоятельных экономических субъектов, именно поэтому оно стало возможно лишь после выхода Манифеста о вольности дворянства.

Поначалу общество вело себя довольно робко, не отклоняясь от выполнения означенной императрицей миссии. ВЭО организовало сбор сведений о России и основало статистику, проводило конкурсы, смотры, поощряло применение новой техники. Публиковались труды ВЭО (с 1766 по 1915 г. вышло в свет более 280 томов). Первый конкурс был объявлен по инициативе Екатерины II в 1766 г.; основной вопрос, на который его участники должны были представить ответы, звучал так: «В чем состоит собственность земледельца (крестьянина): в земле ли его, которую он обрабатывает, или в движимости, и какое он право на то и другое для пользы общенародной иметь может?». Деятельность ВЭО во второй половине XVIII века способствовала внедрению в сельское хозяйство технических культур, совершенствованию сельскохозяйственных орудий, развитию животноводства, пчеловодства, шелководства, свеклосахарной, винокуренной, полотняной промышленности в вотчинных хозяйствах. В это время в ВЭО активную деятельность вели агрономы А.Т. Болотов, И.М. Комов, В.А. Левшин, ученый А.А. Голенищев-Кутузов, адмирал А.И. Синявин, поэт Г.Р. Державин и др. Таким образом, все усилия общества были направлены на рационализацию сельского хозяйства и повышение производительности крепостного труда.

Более ста лет ВЭО не включалось в активную политическую жизнь страны даже в тех случаях, когда политика имела огромное значение для экономики. Речь, в первую очередь, о том, что общество не участвовало в разработке реформы 1861 г. Однако все время оставаться в стороне от реформирования оказалось невозможным, и члены общества включились в активную деятельность по осуществлению преобразований: в процесс освобождения крестьян, создание местного самоуправления, реализацию судебной и школьной реформ. В 1860–1870-е годы общество организовывало обсуждение развития крестьянской поземельной общины. В конце 1890-х годов в ВЭО проходили публичные споры между «легальными марксистами» и

народниками о «судьбах капитализма» в России. В период 1861–1915 гг. в работе общества принимали участие Д.И. Менделеев, В.В. Докучаев, А.М. Бутлеров, А.Н. Бекетов, П.П. Семенов-Тянь-Шанский, М.М. Ковалевский, Л.Н. Толстой, А.Б. Струве, М.И. Туган-Барановский и многие другие. Проведя анализ ситуации, деятели ВЭО осознали, что реформы продвигаются медленно и не соответствуют необходимым инновациям. В результате общество все больше поддерживало либеральную оппозицию самодержавию, став постепенно серьезным оппонентом императорской власти. И реакция последовала быстро: сначала у ВЭО отобрали Комитет грамотности, затем закрыли Комитет помощи голодающим, а с 1900 года запретили проводить любые публичные мероприятия. Деятельность общества почти прекратилась.

Однако на новом этапе борьбы за экономические и социальные преобразования в начале XX века был еще один период активизации ВЭО, который закончился в 1915 г. полным запретом общества. Но борьба за реформирование не прекратилась. Уже Февральская революция 1917 г. опять востребовала деятельность ВЭО; в это время общество возглавил А.Ф. Керенский, ставший его президентом. Но, как известно, исторического времени оказалось недостаточным для завершения реформ, октябрь 1917 г. положил конец не только им, но и их вдохновителям, организаторам и проводникам. ВЭО было закрыто, и уже на долгие годы. Его деятельность возродилась практически только с начала перестройки, но и в этот период, как констатируют сами лидеры общества, их деятельность не была ни достаточно активной, ни в полной мере эффективной.

Итак, ВЭО существовало практически на протяжении всех определенных нами исторических периодов развития общественных движений в России. Его создание было инициировано верховной властью, во все времена его членами были представители высших кругов интеллигенции, в первую очередь, из научного сообщества и нарождающихся экономических акторов. Их деятельность была направлена на реформирование, поддержку государства и одновременно помощь народу. Иными словами, деятельность ВЭО заключалась в служении обществу и государству, хотя производимые трансформации, без сомнения, отражали и личные интересы. Каждый этап развития общественных движений заканчивался гонениями со стороны государства, несмотря на служение ему: так было в 1900-м, 1915-м и в начале 1920-х годов.

Земство как базис для развития гражданского общества

На втором этапе развития общественных организаций в России (в пореформенный период) особое значение для дальнейшего продвижения самоорганизации приобрело возникновение местного самоуправления

и института его выборных членов — земство. Этот феномен вполне детально изучен и описан в аспекте его управленческой и хозяйственной деятельности [7]. Но представляется, что его гражданская значимость проанализирована и оценена далеко не в полном объеме. Рассматривая этот аспект, следует отметить, что «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» 1864 г. было основано на принципе имущественного ценза, причем на первый план выдвигались интересы дворян-землевладельцев, с промышленниками и крестьянами же считались мало. Но на одном из заседаний Государственного совета министр внутренних дел и одновременно председатель земской комиссии П.А. Валуев, как бы извиняясь за половинчатость реформы, заявил, что «первый шаг не должен считаться последним, что учреждение земства — есть лишь создание формы, которая, засим, по указанию опыта, будет наполняться соответствующим содержанием» [6]. Результатом работы комиссии стало законодательное определение функций земств. Земские собрания получали в свое ведение по преимуществу дела местного хозяйства, становясь, по определению валуевской комиссии, местными хозяйственными общественными союзами. Положением устанавливалось, что ведению земских учреждений подлежит распоряжение местными сборами губернии и уезда. При этом все местные и некоторые государственные повинности должны были относиться к ведению земства.

Так практически впервые в России появилась целая когорта общественных деятелей на всех уровнях — и в крупных индустриальных центрах, и в губерниях, и на местах, вплоть до сел и деревень. Эти общественные деятели были ориентированы на осуществление в стране либеральных реформ и придерживались соответствующих взглядов. Они понимали, что произвести реформирование в стране с нищим и малограмотным населением не представляется возможным. Поэтому деятельность большинства земских учреждений в конце XIX века была сосредоточена на развитии образования и здравоохранения, что, следует отметить, косвенным образом способствовало и росту гражданского самосознания. Земство дало новый импульс развитию местного самоуправления: появился новый круг людей, нацеленных на выполнение сугубо гражданской миссии — обустройства местной жизни. Значительно увеличилось в городских управлениях количество учителей, медицинских работников, агрономов, статистиков, инженеров и техников, которые становились инициаторами основных общественных мероприятий, — создавали библиотеки, обучали взрослых, занимались попечительством различных учреждений и видов деятельности, в первую очередь медицинских, и др. Большая часть этой работы выполнялась «на общественных началах», то есть активность не определялась занимаемой должностью. Актуализация гражданской позиции в обществе была очевидна. Развитие местного самоуправления создавало условия для расширения собственной

социальной базы, постепенно (хотя и очень медленно) вовлекая в свои ряды все более широкие социальные слои. Более того, либеральная ориентация земства — как отдельных его представителей, так и института — вела к осознанной и целенаправленной деятельности в этом отношении.

Вместе с тем земство оставалось не просто структурой власти, но структурой, членами которой были элитные круги местных сообществ (на это работал сословный ценз), и они брали на себя обязанность заботиться о благе остальной части общества, вполне самостоятельно решая, что ей (этой части) необходимо для жизненного обустройства. Таким образом, земство находилось не в оппозиции к местным сообществам, но в некотором отрыве от них: институционализированных связей не возникало. По отношению же к государству земство второй половины XIX века постепенно, но все более открыто становилось в реальную оппозицию.

Но наступили 1890-е годы, когда самодержавие осуществило земскую и городскую контрреформу (так ее определяет российская историография), стремясь поставить под более жесткий контроль государства жизнь на местах². Многие представители земства к этому времени из общественных деятелей превратились в чиновников земских учреждений и в большинстве случаев уже не были носителями либеральных ценностей.

Новый пик активности земства пришелся на следующий период социальной напряженности в стране и новых попыток продолжить реформирование (1900–1915 гг.). Однако земство опять оказывается в некоторой оппозиции к реформаторам: инновационные действия осуществлялись сверху, земские же учреждения надеялись быть услышанными, пытались участвовать в реформировании «снизу», чего никто из представителей государства допустить не собирался.

² В 1890 г. было пересмотрено «Положение о губернских и уездных земских учреждениях». Сохранив куриальную систему выборов, правительство отказалось от принципов представительства по первой курии: в нее входили теперь исключительно потомственные и личные дворяне. Для усиления их роли в земских органах в дворянской курии снижался имущественный ценз. Одновременно с этим ценз значительно увеличивался во второй (городской) курии. Соответственно изменялось число выборщиков от курий: от первой оно возрастало, от второй сокращалось. По отношению к крестьянской курии усиливался контроль администрации — земских начальников, губернатора: губернатор по своему усмотрению назначал гласных в уездное земское собрание. Закон предоставлял губернатору право приостанавливать любое постановление земского собрания, если оно «не соответствовало общим государственным пользам и нуждам» либо «нарушало интересы местного населения». Подробнее см.: [2, 4].

Февральская революция — апогей активности земств. Расширяется их география, их проникновение на более глубокий местный уровень (волости). Правительство наконец-то призывает их стать активными деятелями в процессе реформирования и каналом адаптации преобразований гражданами страны на всех уровнях. Но попытка таким образом вовлечь широкие круги населения в принятие решений сильно запоздала: уже сформировались альтернативные политические акторы, также борющиеся за привлечение широких народных масс на свою сторону.

Яркой иллюстрацией результатов деятельности земств могут служить их достижения в развитии местных сообществ, их хозяйственной жизни и общественной деятельности. К примеру, в Новозыбковском районе Брянской области к 1914 г. действовало несколько благотворительных учреждений: Новозыбковское благотворительное общество, Новозыбковское общество вспомоществования недостаточным ученикам Новозыбковского реального и сельскохозяйственно-технического училищ, Новозыбковское общество вспомоществования нуждающимся ученицам женской гимназии, Новозыбковское общество пособия бедным евреям. Новозыбковское благотворительное общество было основано в 1892 г., а к 1899-м в его составе насчитывалось 8 почетных и 88 действительных членов, из них 69 городских и 27 иногородних. Обществом управлял Совет, председателем которого была княгиня М.П. Долгорукова. Нуждающимся в помощи общество выдавало ежемесячные и единовременные пособия. Обществом были открыты: школа для малолетних, классы для взрослых, бесплатная библиотека. Помимо благотворительных обществ, в Новозыбкове действовало Общество Красного Креста, музыкально-драматическое общество, Новозыбковское сельскохозяйственное общество, Новозыбковское добровольное пожарное общество, Новозыбковское городское общество взаимного страхования имущества от огня. Благодаря деятельности названных общественных организаций к услугам жителей города были: три собрания (общественное, чиновников и служащих общественных учреждений, служащих станции Новозыбков Полесской железной дороги), летний театр Добровольного пожарного общества, два зала (Общественного собрания и Собрания служащих станции Новозыбков Полесской железной дороги), три сада (Добровольного пожарного общества и Собрания служащих станции Новозыбков Полесской железной дороги), две библиотеки (земская публичная и благотворительного общества) [8].

Особое значение земства (да и ВЭО) наблюдалось в поддержке развития сельских сообществ. Они всегда имели некоторую степень самоорганизации (речь лишь о поселениях свободных крестьян). Так, еще в 1837 г. в деревнях государственных крестьян были созданы сельские общества (или мир), низшая административная единица в дореформенной России. После реформы 1861 г. сельские общества появились и в селениях помещичьих крестьян, освобожденных от

крепостной зависимости. Это было общественное управление, состоявшее из сельского схода и сельского старосты. Сельское общество имело право избирать и назначать должностных лиц: сборщиков податей, писарей, смотрителей хлебных магазинов, училищ и больниц, лесных и полевых сторожей³.

По инициативе земства и при активной поддержке ВЭО возникли многочисленные сельскохозяйственные общества. Если в 1887 г. существовало 131 общество, то в 1904-м их стало уже 851, причем 165 из них были «малого района действия», то есть уездного и меньшего масштаба [14].

В итоге земство действительно можно рассматривать как базис для развития самоорганизации в российских локальностях, конечно, в те периоды его деятельности, когда оно оказывалось востребованным процессом реформирования и властями. Во времена эпизодического и вынужденного отторжения земства от активной и самостоятельной работы большая часть его представителей превращалась в профессиональных чиновников, лишаясь при этом собственной гражданской позиции и возможности проводить в жизнь собственные решения. Несмотря на то, что в основном «активистами» земства были дворяне, социальная практика показала, что их либеральная ориентация (когда она была таковой) приводила к мобилизации представителей и других социальных слоев (интеллигенции, в том числе разночинной, рядовых обывателей, крестьян — и в самом деле, нельзя предположить, что членами Сельскохозяйственного общества, Добровольного пожарного общества, Городского общества взаимного страхования имущества от огня были только выходцы из дворянства). Благодаря активности земства на местах начала обустраиваться среда проживания российских граждан, получила дальнейшее развитие социальная практика в сферах образования и здравоохранения, налаживалось управление локальным хозяйством, что было весьма наглядным и привлекательным для населения результатом. Тем не менее, невозможно согласиться с выводом Н.А. Новоструева, внимательно изучавшего процесс самоорганизации в эпоху самодержавия, о том, что, несмотря на контрреформы, «земские организации продолжали играть важную роль в системе формирующегося гражданского общества, однако этот процесс выходит за рамки этих учреждений и принимает массовый характер» [9]. Действительно, земство на протяжении длительного периода истории страны являлось системообразующим институтом для гражданского общества, но эта его роль постоянно прерывалась насильственными действиями государства (слабая устойчивость института), что снижало эффективность влияния на самоорганизацию граждан. Более того, эти разрывы, а также преобразование «активистов» земства в чиновничество и создало условия для того, чтобы,

³ Подробнее см.: [1].

здесь Н.А. Новоструев прав, процесс вышел за рамки земства (что, как известно, не принесло позитивных результатов).

Благотворительность как основа самоорганизации

Ориентация на благотворительность и просветительскую активность, проявившаяся в деятельности первых общественных организаций и движений в России, стала их фундаментальной, традиционной установкой в последующей истории нашей страны. Хотя сам феномен благотворительности существовал и прежде. Со времен просвещенного абсолютизма он базировался (и прокламировался) на категориях совестливости и нравственности, общественного долга, с одной стороны, и мотивации престижа — с другой. Уже при Екатерине II невозможно было продвинуться в обществе, не совершая социально ориентированных поступков. Пример показывала царская семья. В 1802 г. Александр I издал Высочайший рескрипт, которым предписывалось «для вспомоществования истинно бедным в столице составить особое благотворительное общество». Так возникло Императорское человеколюбивое общество. Основой всей дальнейшей благотворительности, видимо, стали сказанные императором слова: «Надлежит искать несчастных в самом жилище их — в сей обители печали и страдания. Ласковым обращением, спасительными советами — словом, всеми нравственными и физическими способами стараться облегчить судьбу их, вот в чем состоит истинное благодеяние» [3]. За 100 лет деятельности общества его помощью воспользовались около пяти миллионов человек, а на дела благотворения было израсходовано около 60 млн. рублей [3].

В XIX веке сферу благотворительности в России можно было разделить на три направления: деятельность под покровительством особы императорской семьи; учреждения общественного презрения различной ведомственной принадлежности (духовное министерство, министерство внутренних дел, военное министерство, министерство народного просвещения и т. д.); частные благотворители и жертвователи. Оказание помощи обеспечивалось на перспективу: например, Устав Обществ общественного презрения предписывал при создании того или иного объекта обеспокоиться его содержанием, обеспечением необходимого капитала с тем, чтобы после смерти основателя дело продолжали наследники. Результаты благотворительности можно оценить по количеству социально-ориентированных заведений и характеру их деятельности (см. табл.).

Особое распространение в России получили благотворительные организации и общества взаимопомощи. В 1899 г. действовало 216 организаций взаимопомощи, 840 ссудно-сберегательных и 287 похоронных касс. Среди них: Общество взаимного вспоможения учащим и учившим, одесское общество «Самопомощь», Санкт-Петербургское

общество помощников врачей, Русское театральное общество, Московское общество взаимопомощи лиц интеллигентных профессий и др. К концу XIX века было 1690 обществ, которые создали 700 благотворительных общественных заведений. Менее чем за 10 лет, к 1905 году, число первых возросло до 45 тысяч, а вторых — до 6,5 тысяч [19]. Инициатива создания благотворительных организаций принадлежала в большинстве случаев наиболее просвещенным представителям дворянских семей, которые, как правило, их и возглавляли.

Таблица

Статистические данные о благотворительных заведениях, 1896 г.*

<i>Названия заведений</i>	Всего заведений
Богадельни	1514
Детские приюты	763
Учреждения медицинской помощи	350
Школы благотворительного характера	463
Дешевые столовые	125
Ночлежные дома	67
Дома трудолюбия	67
Странноприимные дома	40
Ясли	50
Дома дешевых квартир	82
Народные читальни	34
Итого:	3555

*Источник: [13].

К благотворительной сфере можно отнести большинство просветительских организаций. Пожалуй, одним из наиболее ярких примеров представляется учебное и лечебное заведение Община сестер милосердия святого Георгия, созданное в Петербурге в 1870 г., инициатором и попечителем которого была графиня Е.Н. Гейден, уже возглавлявшая Пятый дамский комитет Общества попечения о раненых и больных воинах, впоследствии переименованного в Российское общество Красного Креста.

Формально от поступающих в Общину Св. Георгия требовалось образование не ниже трех классов, хорошее здоровье, благонадежность и «желание трудиться на пользу бедных». Здесь они получали теоретическую и практическую подготовку. Община имела собственную больницу и аптеку, где помощь больным (а большинство их составляли рабочие заводов Выборгской и Петербургской сторон) оказывалось бесплатно. Довольно скоро сестры общины стали обслуживать несколько военных госпиталей, а потом и Мариинскую больницу для бедных. Сестры милосердия принимали участие во всех военных конфликтах. Жалованья они не получали — служили «во имя Христа и его любви», но жили в общине на полном обеспечении за счет добровольных пожертвований.

Аналогичной была деятельностью 130 медицинских и здравоохранительных обществ, наиболее известные среди которых — Харьковское медицинское общество (1861) и Общество русских врачей в память Н.И. Пирогова (1883).

Просвещением и распространением специальных знаний также занималось значительное количество организаций. Первое общество распространения в народе грамотности возникло в 1869 г. в Харькове. В 1898 г. таких обществ в России насчитывалось уже 135, а к 1905 г. — около 200 [5]. Старейшими из них, кроме Харьковского общества распространения в народе грамотности, были Общество распространения технических знаний в Москве (1869), Общество для распространения коммерческих знаний в Петербурге (1899).

Дело народного просвещения, пожалуй, можно считать сферой наиболее неформальной активности общественных организаций рассматриваемого исторического периода. Напомним, что земство старалось взять просвещение в свои руки, инициатива подобной деятельности исходила к концу XIX века уже не от элитных кругов общества, а от местных учителей и разночинной интеллигенции. Это весьма настораживало власти, в результате в периоды контрреформ в первую очередь запрещались именно просветительские организации.

Краеведение и государственная политика

Значительно терпимее государство относилось к профессиональным организациям, однако и здесь все было совсем не просто. Объединение деятелей науки и техники привело к формированию 180 научных обществ. На первом месте по численности стояли краеведческие и географические организации, к 1905 г. их было 17. На этом феномене стоит остановиться подробнее. История краеведения представлена довольно полно, в первую очередь, благодаря работе С.О. Шмидта и его учеников. Ими предложена периодизация развития краеведения [15–18].

С.О. Шмидт выделяет четыре этапа: первый — вторая половина XIX — начало XX века, второй — 1917 - конец 1920-х, третий — конец 1940-х - конец 1980-х годов, четвертый — конец 1980-х и до сегодняшнего времени.

Нас будут интересовать лишь первые два, и мы попытаемся выявить, как видоизменялись действия и цели, место и роль общественности (добровольных действий граждан и организаций) в краеведении как сфере активности; затем, исходя из этого анализа, определим периодизацию, основанную на критерии смены этапов самоорганизации в этой сфере и ее трансформаций.

На первом этапе происходила институционализация краеведения, то есть становление устойчивого осуществления краеведческой деятельности определенными группами граждан и организаций, которая

была вызвана проведением реформ, ростом экономики и необходимостью в связи с этим получать более подробные и систематические знания о событиях на местах, предприятиях и их работе, нахождении и использовании природных ресурсов. Интересовало это и государство, и новых экономических акторов, и научные круги, и уже возникшие общественные организации (к примеру, ВЭО). Особое значение для развития краеведения имело появление статистики и потребность в разного рода данных.

Краеведческая деятельность стала осуществляться в первую очередь государственными органами — губернскими статистическими комитетами, позже были созданы губернские архивные комиссии, аккумулировавшие полученные данные. Почти одновременно началась и общественная активность в этой сфере, которая оказалась даже более весомой. Краеведением стали заниматься местные научно-просветительные общества и кружки, губернские церковные историко-археологические комитеты и общества [17]⁴. Социальный состав людей, вовлеченных в краеведческую деятельность, можно с уверенностью определить как состоящий из разночинной интеллигенции: это были священники, преподаватели, чиновники, врачи [12]. В цели краеведческой деятельности входило увековечение информации о собственном месте проживания и местном сообществе, их истории. Это стремление было вызвано происходящими переменами периода реформирования, когда казалось, что новый уклад полностью заменяет старинный образ жизни, который и следовало зафиксировать.

Краеведы собирали эмпирические данные, систематизировали и классифицировали их, формировали базы данных, которые представлялись сообществам. Местом нахождения баз данных становились музеи, архивы, библиотеки, причем в данное время все эти учреждения создавались самими общественными организациями и существовали при них, то есть и сами были общественными структурами. В результате первому, по периодизации С.О. Шмидта, периоду было дано определение «любительский» [11], что соответствует и нашей точке зрения.

Постепенно, к концу XIX века (в нашей периодизации, это второй этап развития краеведения), музеи, архивы и библиотеки (но в первую очередь — музеи) становятся самостоятельными учреждениями. Более того, они оказываются новыми независимыми и профессиональными акторами в данной сфере. Профессионализируется в это время и состав общественных организаций, занимающихся краеведением: «...наблюдаются изменения в составе участников краеведческих организаций за счет усиления профессионального элемента, в первую очередь выпускников гуманитарных факультетов университетов, Московского и Петербургского археологических институтов» [11,

⁴ Подробнее см.: [10].

с. 47]. А это означает уже смену самой цели краеведения: с этих пор оно превращается не столько в гражданскую деятельность, вызванную интересом местных сообществ к сохранению народной памяти, сколько в деятельность научную, не только не требующую участия общественности, но и, напротив, ее не приветствующую. Этот этап развития краеведения в нашей периодизации можно назвать «научно ориентированным».

На втором этапе (по С.О. Шмидту) происходит изменение статуса акторов этой сферы.

Музеи, архивы и библиотеки уже являются полностью институционализированными и профессиональными участниками процесса. С общественными же организациями происходят некоторые метаморфозы. Советская власть, по всей видимости, предполагала, что такая неполитическая деятельность, как краеведение, вполне допустима в идеологизирующемся обществе. Краеведению придается, с благословения государства, широкий масштаб. В исследовательскую работу и полевые экспедиции вовлекаются школы. Краеведению придается образ широкого общественного движения. Специалисты, которые работали в общественных организациях на рубеже XIX — XX веков, пока продолжают свою деятельность в том же качестве. Но параллельно начинается активность уже советских профессиональных учреждений в этой сфере — научно-исследовательских институтов, университетов, куда уходят бывшие лидеры общественных организаций: «Новая политическая система вынуждала уйти в краеведение высококвалифицированных ученых, академиков, чтобы сохраниться не только профессионально, но и физически. Для них это была своеобразная “экологическая ниша”» [11, с. 49].

Краеведческая деятельность приобретает ярко выраженную структурированность, выстраивается определенная вертикаль организаций: во главе оказалось Центральное бюро краеведения — академический центр, осуществляющий научное, методическое и административное руководство всеми остальными акторами этого направления, — краеведческие организации по всей стране. Таким образом, краеведение разделилось на две части — «низовая» сеть краеведов и круг профессиональных исследователей. Очевидное доминирование науки позволило авторам периодизации назвать этот второй этап развития краеведения (в нашей периодизации — третий) «академическим». Соответствует этому определению и основная задача, выдвинувшаяся на первый план в это время, — сохранить не только память об уходящем, а вернее, целенаправленно разрушающемся укладе жизни, но и традиции российской науки.

Четвертый этап в нашей периодизации — конец 1920-х годов. В это время радикально меняется государственная политика в отношении краеведения: «Ориентация краеведения на выявление региональной специфики и демократические принципы его организации противоречили

официальной идеологической доктрине, нацеленной на унификацию социокультурных процессов» [11, с. 50]. Краеведческие общества были ликвидированы, их лидеры репрессированы.

Собственно, и с остальными общественными организациями, которые уцелели до конца 1920-х гг., случилось то же самое. История развития гражданского общества, и в частности общественных организаций, была прервана на долгие годы.

Заключение

Анализ деятельности и истории развития общественных организаций и других структур формировавшегося гражданского общества в России позволил выявить ряд общих характеристик, соответствующих четырем этапам, заявленным нами в начале статьи:

1) возникновение и развитие общественных организаций обязательно связано с социальным и политическим реформированием общества;

2) на каждом этапе со стороны властей (и особенно верховной власти) и представителей элиты общества — наиболее ресурсных групп, идеологов трансформаций — проявлялась либо инициатива создания общественных организаций, либо активная моральная (идейная и идеологическая) поддержка их создания и развития;

3) лидерами, а чаще всего и «рядовыми» деятелями общественных организаций были выходцы из интеллигенции (поначалу — элитной, к концу XIX века — и разночинной);

4) направленность деятельности общественных организаций всегда была благотворительной, альтруистской, филантропической: самоорганизация происходила не для решения собственных проблем их активистами, а для оказания помощи государству и обществу;

5) одними из главных факторов, обосновывающих поддержку властей, является огромное количество различных (социальных, политических, экономических, культурных) проблем в развитии общества в целом, с которыми государство не вполне могло самостоятельно справиться, в связи с чем возникала необходимость включения как можно более широкого круга граждан в реализацию проводимых сверху реформ для их успешного осуществления, формирования каналов обратной связи;

6) на определенной стадии развития трансформационных процессов независимые (вольные) общественные организации, даже созданные сверху, превращались в оппозиционных государству акторов, что вызывало резко негативную реакцию властных элит и приводило либо к ликвидации общественных институтов, либо к их низведению до уровня «приводных ремней» или симулякров;

7) на следующей стадии государство адаптировало не уничтоженные ими институты общественной активности, превращая их в

государственные учреждения, которые с этого времени возглавляли уже не общественные деятели, а представители бюрократии;

8) сохранившиеся ростки самоорганизации впоследствии чаще всего проявлялись в виде научной деятельности, в которую погружались бывшие лидеры общественных организаций, продолжая работать в том же поле интересов, но уже не в социальной практике, а в сфере исследовательских изысканий;

9) основные результаты самоорганизационной деятельности заключались в следующем. Возникали или получали новый импульс развития определенные сферы жизнедеятельности общества — местное самоуправление, образование, медицинское обслуживание, библиотечное дело и т. д. Мощное продвижение происходило в научных изысканиях, где либо возникали новые направления исследований, либо повышались научные достижения в существовавших прежде отраслях знаний (к тому же происходило резкое и высококачественное пополнение самого корпуса ученых). Процесс самоорганизации граждан был властями прекращен практически полностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бржеский Н.К.* Очерки юридического быта крестьян. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1902 [репринтная копия].
2. *Веселовский Б.Б.* Земство и земская реформа. Пг.: Изд-во Т-ва О.Н. Поповой, 1918 г. С. 14.
3. *Глезеров С.* Надлежит искать несчастных в самом жилище их // Невское время. 2002. 29 мая [online]. Дата обращения: 25.12.2007. URL: <http://www.nevskoevremya.spb.ru/obshchestvo/2695/nadlezhit_iskatmz_neschastnuh>.
4. *Дворниченко А.Ю., Кащенко С.Г., Флоринский М.Ф.* Отечественная история (до 1917 г.). Учеб. пособие / Под ред. И.Я. Фроянова. М.: УИЦ «Гардарика», 2002.
5. *Дегальцева Е.А.* Общественные организации в политической системе российского общества конца XIX — начала XX в. // Актуальные вопросы истории Сибири. Вторые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. 6–7 октября 1999 г. Материалы конференции. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 322.
6. *Ермаков А.* Порочность всевластия. Одно из старых и дорогостоящих зол России // РФ сегодня. № 22. Электронный журнал [online]. Дата обращения 21.06.2008. URL: <http://www.russia-today.ru/2002/no_22/22_topic_5.htm>.
7. *Лантева Л.Е.* Земские учреждения в России. М.: Институт государства и права, 1993.
8. Новозыбков. Историко-краеведческий очерк / Авт. кол. Е.Л. Филонова, О.Т. Агеенко, Н.М. Белоус и др. Брянск: Изд-во БГУ, 2001.
9. *Новоструев Н.А.* К вопросу о создании элементов гражданского общества в дореволюционной России (Методология исследования истории гражданских отношений в России во второй половине XIX — начале XX в.) // АНТРО: Анналы научной теории развития общества. Вып. 1 /

- Перм. гос. техн. ун-т; Зап.-Урал. ин-т экономики и права. Пермь, 2006. С. 58.
10. *Размустова Т.О.* Изучение «малой родины» как часть национальной культуры // Культурная деятельность и культурная политика: Сборник научных трудов НИИ культуры. М., 1991. С. 77–78.
 11. *Размустова Т.О.* Музеи и эволюция российского краеведения // Экология культуры: Инф. бюллетень / Ком. по культуре адм. Арх. Обл. Архангельск: ИПП «Правда Севера», 2004. № 3.
 12. *Размустова Т.О.* Провинциальные академии наук // Русская провинция. Культура XVIII–XX веков: Сборник научных трудов НИИ культуры. М., 1992. С. 73–75.
 13. Сборник сведений о благотворительности в России с краткими очерками благотворительных учреждений в С.-Петербурге и Москве: Сост. по распоряжению Главноуправляющего Собств. Её Императорского Величества канцеляриею по учреждениям Имп. Марии по данным, собр. в 1896 г. СПб., 1899.
 14. *Степанский А.Д.* Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX–XX вв. М.: МГИАИ, 1980. С. 23.
 15. *Филимонов С.Б.* Краеведение и документальные памятники (1917–1929 гг.) / С предисл. и под ред. С.О. Шмидта. М.: Археографическая комиссия АН СССР, 1989.
 16. *Шмидт С.О.* Краеведение в научной и общественной жизни России 1920-х годов // Шмидт С.О. Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии. М.: РГГУ, 1997.
 17. *Шмидт С.О.* Краеведение и документальные памятники: Учебное пособие. Тверь: МП Алтай, 1992.
 18. *Шмидт С.О.* Краеведение — дело, значение которого не может быть преувеличено // Памятники Отечества: Альманах Всерос. о-ва охраны памятников истории и культуры. № 1 (19). М.: Советская Россия, 1989.
 19. *Яницкий О.Н.* Социальные движения: 100 интервью с лидерами. М.: Московский рабочий, 1991. С. 10.